

ПУБЛИЦИСТИКА

А. В. БЛЮМ

КАК ВЫБИРАЛИ В АКАДЕМИКИ

(По секретным сообщениям госбезопасности)

В январе 1939 г. происходили очередные выборы в ООН, но не в Организацию Объединенных Наций, возникшую спустя шесть лет, в 1945 г., о чем наши славные органы, при всей их проницательности, еще не догадывались. Речь шла об организации, которая в 30-е годы фигурировала под такой же аббревиатурой, а именно об академическом Отделении общественных наук. В него были тогда собраны из разных отделений все ученые-гуманитарии; ранее, по уставу 1836 г., в Академии существовало три отделения: физико-математическое, русского языка и словесности и историко-филологическое. В конце 20-х годов ликвидированы были историко-филологические факультеты в университетах: вместо них созданы факультеты обществоведения. Сделано это с той целью, чтобы и крупнейшие ученые, имевшие сомнительное классовое происхождение, и будущие филологи и историки находились под постоянным вниманием «обществоведов» и «философов», вооруженных единственно правильной (марксистской, естественно) методологией. В середине 30-х годов, в связи с наметившимся поворотом режима к державности и стремлением его подражать некоторым институциям дореволюционной России, начинается очередная «перестройка» Академии наук и системы высшего образования. Создаются ИФЛИ в Москве, ЛИФЛИ в Ленинграде, постепенно восстанавливаются филологические факультеты университетов. На рубеже 1938—1939 гг. произошла реорганизация Академии; решено было Отделение общественных наук расформировать, возобновив, в частности, отделение языка и литературы.

Процедура выдвижения и отбора кандидатов в действительные члены и члены-корреспонденты Академии, как и всегда, впрочем, сопровождалась потаенными играми, далекими от интересов науки. В отличие от аналогичных выборов, происходивших десятилетие назад и чуть ли не закончившихся провалом проверенных партийных кандидатур, решено было не «пускать дело на самотек» и взять выдвижение и голосование под контроль. Наибольшее подозрение вызывало вновь создаваемое Отделение языка и литературы. К делу, естественно, подключились и органы ленинградской госбезопасности, поскольку подавляющая часть академиков-филологов жила и работала в нашем городе (до революции вообще академиками могли быть только петербуржцы; в связи с этим и введено было звание члена-корреспондента, который мог жить где угодно).

О потаенных играх госбезопасности свидетельствует, в частности, весьма обширное (на 18 листах) «спецсообщение» в Смольный, составленное 16 января 1939 г. и адресованное в первую очередь А. А. Жданову, в то время не только первому сек-

Арлен Викторович Блюм (род. в 1933 г.) — доктор филологических наук, автор исследований по истории русской литературы и цензуры, в том числе книг: «За кулисами „Министерства правды“. Тайная история советской цензуры. 1917—1929» (СПб., 1994), «Советская цензура в эпоху тотального террора. 1923—1953» (СПб., 2000). Лауреат премии «Звезды» (1998) и «Северной Пальмиры» (2001). Живет в С.-Петербурге.

ретарю Ленинградского обкома ВКП(б), но и секретарю ЦК, курировавшему идеологию. Снабжено оно грифом «совершенно секретно» и вошло в довольно пухлое дело под названием «Спецсообщения Управления НКВД СССР по Ленинградской области по специальному вопросам. Начато 2 января 1939 г. — окончено 23 марта 1939 г.».¹

Секретное донесение под названием «КАК ПРОТЕКАЮТ ВЫБОРЫ НОВЫХ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ЧЛЕНОВ И ЧЛЕНОВ-КОРРЕСПОНДЕНТОВ В АН СССР (отделение языка и литературы)» предварено такой врезкой: «Препровождаю материал о ходе подготовки к выборам в действительные члены и члены-корреспонденты Академии наук СССР.

Начальник Управления НКВД

Комиссар Госбезопасности 2 ранга Гоглидзе».

Этот документ явно составлен на основе донесений так называемых «*н/источников*» (*наших источников*) — осведомителей, внедряемых в каждое сколько-нибудь значительное советское учреждение. Вот лишь некоторые его фрагменты:

«9 января состоялось общее собрание членов Отделения общественных наук под председательством ДЕБОРИНА. Председатель огласил список кандидатур по трем отделениям, на которые с прошлого года разбито ООН: экономики и права (6 действительных и 22 членов-корреспондентов); истории и философии (17 действительных и 35 членов-кор.); языка и литературы (13 действительных и 23 членов-корреспондентов).

На каждые из названных отделений дано по 5 вакансий действительных членов и по 10 вакансий членов-корреспондентов. Вся организационная работа и руководство выборами новых академиков возложена на ДЕБОРИНА, председателя ООН.

Поручение ДЕБОРИНУ руководства выборами по ООН уже сразу заставило насторожиться и поставило под сомнение вопрос о том, захочет ли ДЕБОРИН провести выборы так, как это отвечало бы на деле интересам передовой советской науки, то есть директивам партии и правительства. Его обычная двурушническая тактика ставила под сомнение успех дела в указанном выше смысле. Действительность показала, что опасения эти были основательными. Сейчас еще, конечно, преждевременно говорить об окончательных результатах выборов в ООН, но имеющиеся уже факты заставляют своевременно сигнализировать об угрожающей опасности <...>

«Директивная» речь ДЕБОРИНА совершенно развязывала руки реакционной части академиков для свободы действий. Кроме того, ДЕБОРИН в своей речи не поддержал, в частности, таких кандидатур, как, например, т. т. ТОЛСТОГО и ШОЛОХОВА; не поддержал принципиально также и кандидатур передовых советских ученых, у которых, может быть, и нет капитальных «академических» трудов, но которые прекрасно вооружены марксистско-ленинско-сталинской методологией, вооружены большим опытом общественно-политической работы и т. п.

Речь ДЕБОРИНА была совершенно лишена партийного содержания и какого бы то ни было намека на установки правительства и партии в деле развития нашей науки, она, несомненно, открыла реакционную часть академиков, но на других она произвела удручающее впечатление <...>

Трудно объяснить себе совершенно невероятный, странный состав Экспертной комиссии по языку и литературе — самом запущенном участке ООН. В него вошли следующие академики: ОРЛОВ, КРАЧКОВСКИЙ, ЖЕБЕЛЕВ, ДЕРЖАВИН, АЛЕКСЕЕВ, ЩЕРБАТСКИЙ. В качестве председателя был назначен акад. МЕЩАНИНОВ <...> МЕЩАНИНОВ не только персона, пользующаяся полным доверием ДЕБОРИНА, не только его фаворит, но и его раб: он беспрекословно выполняет все директивы ДЕБОРИНА, делает все, что ему угодно. Поэтому, назначая МЕЩАНИНОВА председателем Экспертной комиссии по языку и литературе, ДЕБОРИН мог быть спокоен: его директивы будут выполнены.

Отбросив таким образом из состава экспертной комиссии МЕЩАНИНОВА, как не принимавшего в ее работе никакого участия, мы получим семь человек: ОРЛОВ, КРАЧКОВСКИЙ, ЖЕБЕЛЕВ, ДЕРЖАВИН, АЛЕКСЕЕВ, ПЕТРОСЯН (включен позднее. — А. Б.) и ЩЕРБАТСКИЙ. Из этих семи человек четыре заведомо махровые черносотенцы (КРАЧКОВСКИЙ, ЖЕБЕЛЕВ, АЛЕКСЕЕВ и ЩЕРБАТСКИЙ). Сознательно или несознательно был подобран таким образом состав Экспертной комиссии по языку и литературе? Словом, получилось так: посадили двух академиков, которые безоговорочно будут проводить линию партии и правительства, и противопоставили махровых черносотенцев (так! — А. Б.), которые эту линию будут всячески срывать, отстаивая кандидатуры таких же махровых черносотенцев. Утром, 10 января, к двум академикам (ОРЛОВ и ДЕРЖАВИН) кто-то подкинул тов. ПЕТРОСЯНА и таким образом «левая» группа была усилена. Хотя тов. ПЕТРОСЯН и не ученый, но он честный партиец и великолепно ориентирован в задачах советской науки. Поэтому свои-

ми принципиальными установками он весьма подкреплял выступления ДЕРЖАВИНА и ОРЛОВА. И, тем не менее, трем лицам, лишенным при этом какого бы то ни было руководства и директив, бороться против хорошо организованных четырех противников было трудно. Выборам угрожал бы неминуемый провал, если бы не отсутствовал КРАЧКОВСКИЙ, хотя его с успехом заменил Иосиф ОРБЕЛИ, не член комиссии, но присутствовавший на заседании и настойчиво поддерживавший все выступления реакционеров. Под сильным ударом оказались кандидатуры, особенно поддержанные советской и партийной общественностью: БАРАННИКОВ, директор Института Востоковедения (из рабочей семьи), писатели А. Н. ТОЛСТОЙ и ШОЛОХОВ, ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ (член ВКП(б)), ЛУППОЛ (член ВКП(б)). Этому списку противопоставлен другой: ЖИРМУНСКИЙ, ОБНОРСКИЙ, ШИШМАРЕВ и ЩЕРБА (ни одного партийца).

С большим трудом удалось сбить кандидатуру проф. ЩЕРБЫ, ученого-реакционера, совершенно бесплодного и бесполезного для Академии наук ученого, и перенести его кандидатуру в конец списка, чтобы тем самым спасти кандидатуру ОБНОРСКОГО, единственного, хотя и не блестящего талантами, в Советском Союзе крупного и подлинного знатока русского языка: в Академии наук около 10 лет кафедр русского языка пустует. Но председатель Комиссии МЕЩАНИНОВ пошел на сделку с реакционерами и поставил кандидатуру ЩЕРБЫ (б. член кадетской партии) на последнее место в списке, как второочередную кандидатуру. Таким образом, список кандидатов, отобранных Экспертной комиссией языка и литературы для представления в Отделение общественных наук, к выборам оказался следующим: ОБНОРСКИЙ (рус. яз.), ШИШМАРЕВ (зап.-европейская литература), БАРАННИКОВ (востоковедение), ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ (член ВКП(б), новая литература), ЛУППОЛ (член ВКП(б), зап.-европейская литература), ТОЛСТОЙ (писатель), ШОЛОХОВ (писатель). Вторая очередь — ЩЕРБА (лингвистика, реакционер).

Что касается остальных кандидатур в действительные члены, то Экспертная комиссия постановила: ПИКСАНОВ — отклонить (рус. литература), УШАКОВ — отклонить (рус. язык), ДЖАМБУЛ ДЖАБАЕВ (народный поэт) — рекомендовать в почетные академики, ЖИРМУНСКИЙ (зап.-европейская литература) — перевести в члены-корреспонденты.

Лидером реакционной группы был акад. АЛЕКСЕЕВ. Его выступления носили нагло-развязный характер. Он не давал говорить при рассмотрении кандидатур партийцев ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО и ЛУППОЛА. Он задавал вопросы, знают ли они иностранные языки. Пришлось, в конце концов, его одернуть, обратив его внимание на то, что мы рассматриваем кандидатуры для выбора в действительные члены Академии, а не производим отбора кандидатов в аспиранты. После этого он перестал ставить этот вопрос <...>

Заслуживает быть отмеченным возмутительное поведение академика ОРБЕЛИ (Иосифа). Пользуясь доверием правительства и партии, занимая такие ответственные командные должности, как должность директора Эрмитажа и директора академического Института истории материальной культуры, на заседании Экспертной комиссии он, не будучи членом Комиссии, но, как академик, пользуясь правом совещательного голоса, решительно солидаризовался с реакционером АЛЕКСЕЕВЫМ и выступил с защитой кандидатуры ЩЕРБЫ, типичного представителя махровой лже-науки. Когда один из академиков, возражая против кандидатуры ЩЕРБЫ, указал на то, что ЩЕРБА ничего серьезного не внес в науку и ничего больше в своей жизни не создаст, а, выбирая новых академиков, мы не можем не учитывать перспектив строительства советской науки, ОРБЕЛИ стал резко возражать против внесения в обсуждение кандидатур элемента прогноза <...>

Подводя итоги работам Экспертной комиссии по Отделению языка и литературы, надо признать, что она не справилась с ответственной задачей, и не справилась по двум причинам: во-первых, по причине специфического подбора состава ее членов, большинство которых заведомые реакционеры, для которых не существует советской науки, которые не думают об интересах строительства передовой науки и которые в оценке заслуг и достижений советских ученых исходят из старых, прогнивших норм и оценок буржуазной науки. Не будет преувеличением сказать, что на первом этапе выборов новых академиков по Отделению языка и литературы выборы провалены <...> Провал настоящих выборов, если он не будет своевременно исправлен на дальнейших стадиях выборов, угрожает пополнением состава академиков реакционерами в науке. С другой стороны, если сейчас вновь создаваемое Отделение языка и литературы будет пополнено реакционерами и лжеучеными типа профессора ЩЕРБЫ, то оно сразу же будет поставлено на гнилые основы. Каждый новый ЩЕРБА потянет за собою в ближайшем же будущем своих единомышленников; имена их уже сейчас известны. Поддержка развратыванию деятельности ЩЕРБЫ в

роли академика уже сейчас обеспечена его друзьями и сторонниками — АЛЕКСЕЕВЫМ, ЖЕБЕЛЕВЫМ, ЛЯПУНОВЫМ, ЩЕРБАТСКИМ, ОРБЕЛИ и т. д. Новое отделение надо создавать на новых основах. Момент сейчас для этой цели исключительно серьезный. Выкорчевывать старые корни впоследствии будет очень трудно: <они> будут душить собою здоровые ростки.

Исходя из изложенных выше соображений, сейчас необходимо было бы выбрать в состав академиков по Отделению языка и литературы следующих лиц: БАРАННИКОВА (сын рабочего), ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО (член ВКП(б)), ЛУППОЛА (член ВКП(б)), А. Н. ТОЛСТОГО, ШОЛОХОВА (член ВКП(б)) <...>

Если на общем собрании Отделения Общественных наук, которое будет происходить в Москве 20 января, будет предложено избрать только пять академиков из предложенных Экспертной комиссией кандидатов, то, учитывая настоящее соотношение сил, можно почти быть уверенным, что из названного списка кандидатов Экспертной комиссии пройдут только трое: ОБНОРСКИЙ, ШИШМАРЕВ и ЩЕРБА, в крайнем случае, может быть, по тактическим соображениям, БАРАННИКОВ или ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ.

Для того чтобы добиться желательных результатов выборов, необходимо немедленно заставить ДЕБОРИНА взять в своих выступлениях более четкую партийную линию; заставить его подтянуть МЕЩАНИНОВА, который вообще не годен для этой роли, на которую он посажен в Экспертную комиссию. Если же во имя интересов и пользы дела необходимо было бы быть более решительным, то надо было бы немедленно освободить МЕЩАНИНОВА от дальнейшего председательствования в Экспертной комиссии и заменить его другим лицом, более подходящим к ответственной роли председателя <...>

Левое крыло Экспертной комиссии, настойчиво искавшее каких-либо директивных указаний от руководства выборами, таковых не получило и принуждено было в лице двух академиков при поддержке т. ПЕТРОСЯНА выдерживать ожесточенную атаку со стороны четырех академиков-реакционеров, не уверенное при том в правильности линии своей тактики, т. е. в защите кандидатур членов партии т. т. ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО и ЛУППОЛА и писателей ТОЛСТОГО и ШОЛОХОВА, а также в решительном отпаривании кандидатуры ЩЕРБЫ.

Получилось невольное впечатление, что руководство Академии наук самоустранилось от активного участия в выборах и предоставило полную свободу действий заведомым врагам науки и реакционерам.

(Под донесением — треугольная печать: «Управление НКВД по Ленингр. обл. УГБ. 4-й отдел»).

* * *

Каковы же результаты этой превентивной акции, целью которой было не допустить в Академию «классово-чуждые элементы»? Тогдашний президент Академии наук В. Л. Комаров в статье «Академия наук к XVIII съезду ВКП(б)» с удовлетворением подвел итоги выборов, состоявшихся в Москве 28—29 января 1939 г., которые «...ярко и убедительно показали, как интенсивно на советской почве, озаренной солнцем Сталинской Конституции, растут молодые кадры передовой науки. Можно считать поэтому, что прошедшие выборы знаменуют собой новый этап в истории Академии наук».²

Из «рекомендованных» начальником ленинградской госбезопасности Гоглидзе ученых и писателей — А. П. Баранников (примечательна ремарка в скобках: «сын рабочего»), П. И. Лебедев-Полянский, И. К. Луппол, А. Н. Толстой и М. А. Шолохов — прошли в действительные академики по Отделению языка и литературы четверо. Лебедев-Полянский — старый заслуженный большевик (с 1902 г.), председатель Пролеткульта в 1918—1920 гг., а затем организатор и первый начальник Главлита, избран был только в члены-корреспонденты. Руководил он Главлитом 10 лет (1922—1931 гг.) и снискал себе на этом посту репутацию жесточайшего цензурного держиморды; затем он занимался санкционированными сверху «ревдемократами»; звания полного академика от литературы он удостоился только в 1946 г.³

По другим отделениям в 1939 г. академиками были избраны лица, имена которых говорят сами за себя: А. Я. Вышинский, Ем. Ярославский, Т. Д. Лысенко. Тем не менее пожелания «наших славных органов» учтены были не полностью. Из составленного ими «черного списка» (Жирмунский, Шишмарев, Обнорский и Щерба) первые два были все же избраны в Академию, хотя только в звании членов-корреспондентов; удалось «прокатить» Щербу, имя которого, как видно из донесения, вызывало особую ненависть.

Неожиданно для всех «заинтересованных» лиц прошел в академики языковед С. П. Обнорский, который давно был на заметке органов госбезопасности. За 6 лет до выборов, в августе 1933 г., ОПТУ доносило в Смольный, тогда еще С. М. Кирову, о «неблагополучии» в Словарном отделе Института языка и мышления Академии наук СССР. В частности сообщалось: «<...> До 1930 г. во главе Словарной комиссии стоял один из самых реакционных академиков — ИСТРИНА. Опираясь на подобранный ею состав сотрудников из числа своих политических единомышленников, <она> сохранила до 1931 г. старые реакционные традиции словаря, всеми способами стараясь не допустить проникновения в словарь ничего современного, и даже издаваемого по старой орфографии.

Фактически всей работой Словарного отдела руководит ставленник академика Истриной — проф. ОБНОРСКИЙ С. П., ученый секретарь Словарного отдела. Вся продукция Словарного отдела находится под идейным вниманием академика ИСТРИНОЙ и осуществляется ею через контрреволюционную группу, собирающуюся на квартире академика ИСТРИНОЙ». Далее перечисляются имена крупнейших лексикографов, среди них — «ОБНОРСКИЙ Сергей Петрович — типичный буржуазный ученый, формалист и ярый противник яфетической теории Марра... Все члены контрреволюционной группировки ведают подбором постоянных корреспондентов словаря и поддерживают с ними связи. В подборе постоянных кадров члены контрреволюционной группы ориентируются на реакционное крыло научных работников. Оплачиваются эти корреспонденты личными распоряжениями руководителя контрреволюционной группы — ОБНОРСКОГО С. П. при посредстве Ученого секретаря ИЯМа — БАШИНДЖАГЯНА. В прошлом БАШИНДЖАГЯН являлся начальником контрразведки штаба Армии Дашнакской дивизии.

Издаваемый Словарным отделом «Словарь русского языка» используется реакционными языковедами как трибуна против всего современного в языковедении и в особенности против яфетической теории МАРРА Н. Я.»⁴

К делу подключилась ленинградская цензура. В «Отчете Ленгорлита» за июнь 1933 г. (раздел «Оперативная работа последующего контроля») указано, что «...произведено задержание, осуществленное 3 июля, «Словаря русского языка» Академии наук, т. VI, вып. 2, содержащего вульгарное определение слова «марксизм» и неудачные примеры к этому <...> Превалярует материал со ссылками на писателей XVIII—XIX вв.: Сумароков, Кантимир (так! — А. Б.), кн. Вяземский, Карамзин, Державин и др. <...>». Начальник ленинградской цензуры Орлов сообщил в Главлит о том, что «здесь на месте приняты необходимые меры к укреплению состава редакторов выдержанными членами партии и даны надлежащие инструкции по специальной линии».⁵

По «специальной линии» ОГПУ создает (по типу «Академического») «Дело славистов», якобы организовавших мифическую «Российскую национальную партию», среди членов которой числился опять-таки и С. П. Обнорский⁶ (странно, что комиссар госбезопасности 2-го ранга Гоглидзе не вспомнил об этом факте в 1939 г.). В результате таких нападок многолетняя работа над академическим словарем стала свертываться, а в 1937 г., в связи с обнаруженными «политическими дефектами», вообще прекращена: словарь был оборван посередине алфавита, на букве «О».

Как видно из донесения 1939 г., госбезопасность Ленинграда пыталась расколоть Экспертный совет на два лагеря — «левый» и «правый». В первый, по словам Гоглидзе, «кто-то подкинул тов. Петросяна... хотя и не ученого, но честного партийца, великолепно ориентированного в задачах советской науки». Скорее всего, он был «подкинут» не кем иным, как самим Ждановым, которому непосредственно подчинялось Управление пропаганды и агитации ЦК. Из весьма многочисленных «петросянов», проявивших себя на разнообразных поприщах, этот персонаж, учитывая хронологию событий и особенности его деятельности, более всего похож на некоего А. Петросяна, работавшего в 1939—1940 гг. именно в этом управлении в качестве инструктора. Он был в 1940 г. членом партийной комиссии, обследовавшей издательскую информационную работу ВОКСа (Всесоюзного общества культурных связей). В своем отчете он, в частности, обратил внимание на то, что ВОКС «посылает ежемесячно сотни статей за границу», но не следит за тем, «как используются эти статьи, сколько из них попадают на страницы зарубежной прессы, в каком виде, для каких читателей».⁷ К сожалению, нам неизвестна реакция академиков из «правой группы» на появление в Экспертной комиссии человека, неведомого науке, и даже, как следует полагать, участие его в голосовании...

Начальник ленинградского НКВД постоянно называет «махровыми черносотенцами» почтеннейших ученых, которые в дореволюционное время скорее сочувствовали программе либеральной «профессорской» партии кадетов. Он, как говорится, попал пальцем в небо... С большим основанием он мог отнести к «черносотенцам»

как раз «левого» Н. С. Державина. «Еще яснее черты приспособленчества, — свидетельствует мемуарист, которому можно безусловно доверять, — обнаруживались в деятельности Николая Севастьяновича Державина. В прошлом член Союза русского народа, он стал после революции ректором университета, главой группы «левой профессуры», а впоследствии — членом партии. Рассказывали, что когда Державин уволил из Университета аспирантку кафедры русской литературы Никольскую на том основании, что ее отец был видным монархистом, руководитель Никольской В. Н. Перетц послал ректору короткую записку: «Дорогой Николай Севастьянович, какая-то сволочь уволила из Университета Никольскую, дочь Вашего товарища по Союзу русского народа. Надеюсь, что Вы ей поможете...» Никольскую восстановили...»⁸ Между прочим, когда за 10 лет до этого, в конце 1928 г., пытались лишить звания академика крупнейшего историка античности, единственного крупного антиковеда, оставшегося в России, Сергея Александровича Жебелёва, именем Державин, один из очень немногих, задавал на обсуждении «подхалимски-погромный тон».⁹ Об этом же свидетельствует С. Ф. Ольденбург, говоривший о «подхалимском характере» выступления Державина («такое гнусное забегание вперед перед советской властью лиц, которые при царском режиме были прямо что черносотенцы»).¹⁰ Да, бываю́т «странное сближения»... А может, и не такие уж «странные?»..

К «правой» группе, за неимением ничего лучшего (с точки зрения госбезопасности, разумеется), отнесен был и академик Александр Сергеевич Орлов, крупнейший славист-древник». В нем, судя по воспоминаниям Д. С. Лихачева, всякое было намешано: с течением времени он «страшно изменился», стал «ненавидеть все иностранное», «чрезвычайно высоко ценил свое звание академика и относился к собственному положению с необыкновенным, я бы сказал, артистическим пиететом».¹¹

Тогдашняя «Жебелёвская история» вообще имеет прямое отношение к событиям 1939 г. Поводом для нее послужил некролог, посвященный памяти историка искусств академика Я. И. Смирнова, опубликованный в пражском «Семинарии им. Н. П. Кондакова» в конце 1928 г. Достаточно было нескольких фраз Жебелёва (такой, например: «Яков Иванович скончался 10 октября 1918 г., когда у нас началось уже лихолетье...»), чтобы Союз научных работников поставил вопрос об исключении Жебелёва из состава Академии наук. Союз апеллировал при этом к устрашающей 22-й статье нового, принятого в 1927 г., Устава Академии, гласившей, что «действительный член АН лишается своего звания, <...> если его деятельность направлена явным образом во вред Союзу ССР».

В ноябре-декабре 1928 г. редкая советская газета не выходила со статьями, названия которых говорят сами за себя: «Антисоветская работа под флагом науки», «Отпор притаившимся», «Вредителям советского строительства не место в Академии наук» и т. п. С большим трудом Президиум АН в составе академиков А. П. Карпинского, С. Ф. Ольденбурга, А. Ф. Иоффе, А. Е. Ферсмана и И. Ю. Крачковского сумел отстоять Жебелёва, признав, однако, его «выступление неправильным и поставить ему на вид», отметив «недопустимость участия советских ученых, а следовательно, и сотрудников АН СССР в каких-либо эмигрантских изданиях».¹²

Партийная печать признала такое решение «половинчатым» и «мягкотелым», к травле присоединился почитавшийся прекраснородушным и либеральным нарком просвещения А. В. Луначарский. Дальше всех пошел, конечно, присяжный партийный публицист Д. Заславский, выступивший в «Красной газете» (11 дек.) с фельетоном «Влюбленные антропосы», в котором обвинил всех античников в политических симпатиях к русской эмиграции. Он сожалел о том, что «Президиум Академии не пожелал применить к академику Жебелёву статью, карающую за выступление, враждебное советской власти». Запрещение ученым сотрудничать в эмигрантских изданиях повлекло за собой в дальнейшем крайне тяжелые последствия, ибо оно постепенно распространилось и на их участие в *любом* зарубежном научном журнале или сборнике. Постепенно свертывается научный книгообмен, а те иностранные издания (по гуманитарным наукам в особенности), которые все-таки попадали в Союз, как правило, погружаются в библиотечные узилища — «спецхраны». Такой разрыв с мировым научным процессом нанес стране огромнейший вред. Примечательно, что буквально через несколько месяцев после этой истории разразился скандал в связи с публикацией за рубежом романов «Красное дерево» Б. Пильняка и «Мы» Евг. Замятина: оба писателя обвинены в сотрудничестве с «белогвардейскими изданиями». Все эти инциденты не случайно приходятся на рубеж 1929 года — «года великого перелома», означавшего свертывание нэпа и окончательное прекращение каких бы то ни было игр власти с писателями-«попутчиками» и оставшимися на родине крупнейшими учеными-филологами.

Разнузданная кампания борьбы с «жебелёвщиной» в науке (в духе времени появился и такой термин) преследовала и конкретную цель: «свалить» академика, по-

сколько его голос играл не последнюю роль в надвигавшихся выборах в Академию наук, на которые в качестве кандидатов впервые выставлялись коммунисты. 12 января 1929 г. общее собрание «провалило» трех членов партии — философа А. М. Деборина (в дальнейшем, как мы видели из донесения госбезопасности, он стал даже во главе Экспертной комиссии по Отделению общественных наук), литературоведа В. М. Фриче и историка Н. М. Лукина, не набравших необходимых двух третей голосов. Участь Академии висела на волоске... Под давлением партийных инстанций и организованной ими же волны «общественного протеста» Президиум АН вынужден был назначить повторное голосование и ввел этих троих в состав Академии; помимо того, академиками тогда же были избраны коммунисты Д. Б. Рязанов, П. Н. Сакулин и, разумеется, партийные руководители — Н. И. Бухарин и Г. М. Кржижановский.¹³

Тем не менее такая «лояльность» академиков не избавила их от дальнейших гонений, последовавших в начале 30-х годов: они, как говорили в старину, были «оставлены под подозрением»... «Жебелёвская история» стала прологом к печально знаменитому «Академическому делу», или «Делу Платонова—Тарле» 1930 г., к упоминавшимся уже делам «славистов», «словарников», так называемому «кировскому призыву» 1934 г., когда, после убийства Кирова, в Ленинграде была проведена тотальная «зачистка», освободившая несчастный город от «бывших» — преимущественно дворян и интеллигентов.¹⁴

С этой поры Академия лишается даже видимости относительной автономии и независимости от государства, которыми она все же пользовалась в первое десятилетие советской власти. Процесс ее полного огосударствления, как видно из приведенных выше документов тайной политической полиции, шел сначала все-таки с большими затруднениями: еще не совсем умерли традиции, еще жили и работали ученые, сохранившие чувство чести и порядочности... Поэтому «наши органы» и были так обеспокоены результатами грядущих выборов в Академию в 1939 г., используя при этом свои, специфические методы защиты «классовых» интересов. Они стремились вбить клин между академиками, разделив их на «правую» и «левую» группировки, делая ставку на ученых, настроенных наиболее конформистски. Приводя материалы и свидетельства, касающиеся филологов, входящих во вторую из них, автор, разумеется, далек от мысли подвергнуть какому бы то ни было сомнению ценность их научных достижений (это были настоящие ученые!); речь идет исключительно об этической позиции. Да и судить мы их сейчас не вправе, учитывая атмосферу тотального страха, порожденную предшествующими событиями, в особенности прошедшими накануне годами «Большого террора». Как любила повторять в таких случаях Анна Ахматова: «Вас там не стояло».

И все-таки...

Маленький словарь действующих лиц

Алексеев Василий Михайлович (1881—1951) — филолог-китаевед, профессор Петроградского университета (с 1918 г.), академик (с 1929 г.).

Баранников Алексей Петрович (1890—1952) — индолог, профессор, в 1938—1940 г. — директор Института востоковедения Академии наук СССР, в 1939 г. был избран академиком.

Башинджаган Левон Геворкович (1893—1948) — языковед, один из ближайших сподвижников Н. Я. Марра. Арестован в 1938 г., погиб в ГУЛаге.

Гоглидзе Сергей Арсеньевич (1901—1953) — комиссар госбезопасности 2-го ранга, начальник Управления НКВД Ленинградской обл. в 1936—1941 гг. Расстрелян 23 декабря 1953 г. по так называемому «бериевскому делу».

Деборин (наст. фам. Йоффе) Абрам Моисеевич (1881—1963) — советский философ, академик (1929 г.).

Державин Николай Севастьянович (1877—1953) — филолог, специалист по западно-европейской литературе, академик (1931 г.).

Джамбул Джабаев (1846—1945) — казахский поэт-акын. Почетным академиком все-таки избран не был.

Жебелёв Сергей Александрович (1867—1941) — историк античности, академик (1927 г.), умер от истощения в начале ленинградской блокады.

Истрина Евгения Самсоновна (1883—1957) — языковед, лексикограф, профессор Ленинградского пед. ин-та (с 1935 г.), профессор МГУ (в 1944—1947 гг.). В донесении ошибка: Истрина не была «академиком»; в члены-корреспонденты избрана только в 1943 г.

Жирмунский Виктор Максимович (1891—1971) — филолог, академиком был избран только в 1966 г.

Крачковский Игнатий Юлианович (1883—1951) — филолог-арабист, академик (1921 г.).

Лебедев-Полянский Павел Иванович (1881—1948) — марксистский критик и литературовед, первый начальник Главлита (1922—1931).

Луппол Иван Капитонович (1896—1943) — философ и литературовед, академик (1939 г.). Арестован в конце 1941 г. и приговорен к расстрелу, замененному заключением на 10 лет. Погиб в лагере в 1943 г.

Ляпунов Борис Михайлович (1862—1943) — языковед-славист, академик (1923 г.).

Мещанинов Иван Иванович (1883—1967) — языковед и археолог, академик (1932 г.).

Обнорский Сергей Петрович (1888—1962) — языковед, академик (1939 г.).

Орбели Иосиф Абгарович (1887—1961) — востоковед, академик (1935), директор Эрмитажа (1934—1951).

Орлов Александр Сергеевич (1871—1947) — литературовед, академик (1931 г.).

Петросян А. — инструктор Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в 1930—1940-е годы.

Пиксанов Николай Кирьянович (1878—1969) — литературовед, член-корреспондент АН СССР (1931 г.).

Толстой Алексей Николаевич (1882—1945) — писатель, академик (1939 г.).

Ушаков Дмитрий Николаевич (1873—1942) — языковед, в 1939 г. утвержден в звании только члена-корреспондента АН СССР.

Шишмарев Владимир Федорович (1874—1957) — филолог, академик (1946 г.).

Шолохов Михаил Александрович (1905—1984) — писатель, академик (1939 г.).

Шерба Лев Владимирович (1880—1944) — языковед, член-корреспондент АН СССР (1924 г.), академиком был избран только в 1943 г., за год до смерти.

Щербатской (а не Щербатский, как указано в донесении) Федор Ипполитович (1866—1942) — индолог и буддолог, академик (1918 г.).

Примечания

¹ Центр. Гос. архив историко-политических документов (ЦГА ИПД), бывший Ленинградский партархив. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 3547. Лл. 56—74.

² Вестник Академии наук. 1939, № 2—3. С. 32.

³ Подробнее о его деятельности на этом посту см. в нашей книге «За кулисами „Министерства правды“. Тайная история советской цензуры. 1917—1929» (СПб., 1994).

⁴ ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 850. Лл. 18—22.

⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 45. Лл. 1—3.

⁶ См. об этом: Ашнина Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.

⁷ ВОКС в 1930—1940-е годы. Публикация А. В. Голубева и В. А. Невежина // Минувшее. Т. 14. 1993. С. 351—352.

⁸ Копржива-Лурье Б. Я. История одной жизни. Paris, Athenaeum, 1987. С. 116. Автором книги на самом деле является один из крупнейших историков русского средневековья Яков Соломонович Лурье (1921—1996), выпустивший ее в Париже под именем своей сестры. См.: Лурье Я. С. Россия древняя и новая (Избранное). СПб., 1999. С. 9.

⁹ См.: Перченко Ф. Ф. Академия наук на великом «переломе» // Звенья. Т. 1. М., 1991. С. 184.

¹⁰ Цит. по статье, подробно излагающей «жебелёвскую» историю: Тункина И. В. «Дело» академика Жебелёва // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. Т. II. СПб., 2000. С. 123.

¹¹ Лихачев Д. С. Избранное. Воспоминания. СПб., 1997, С. 548.

¹² Тункина И. В. Указ. соч. С. 130.

¹³ Подробнее см. указ. выше статью И. В. Тункиной. См. также: Перченко Ф. Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые АН СССР, М., 1995. С. 201—252; Каганович Б. С. Начало трагедии. Академия в 1920-е годы по материалам архива С. Ф. Ольденбурга // Звезда. 1994, № 12.

¹⁴ См., помимо указ. выше литературы: Академическое дело 1929—1931 гг. Сборник документов. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993; Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991; Куманев В. А. 1930-е в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991.